

«Идол» визуального мышления и научная рациональность

Тормозом в усвоении нового знания является множество устойчивых психологических установок, внутренних программ поведения и познания, которые можно назвать, отдавая дань классику, «идолами». Это и «идолы рода», над которыми человек не властен, и «идолы» внешней и внутренней «пещеры» человека. Политическая, идеологическая, социальная, а также научная ангажированность порождает «идолов театра», а косноязычие и жесткая привязка к специальной и профессиональной терминологии – «идолов площади». Вот с таким багажом «призраков» исследователь осваивает новое знание.

Но классическая научная рациональность породила своего «идола» – «идола» визуального мышления. Оптическая или визуальная метафора является самой распространенной в языке и познании, что задает их особые функции. Визуальное мышление вместе с мышлением вербальным порождает, по сути, автономные и свободные по отношению к объекту образы и схемы. Практически все более или менее значимые мыслительные функции и процессы представлены посредством визуальной метафоры: отражение, кругозор, наглядность, прозрение, умозрение, видение, предвидение, обзор, мировоззрение, созерцание, очевидность, иметь в виду и т.п. Однако как соотносятся между собой видимость и реальность? Насколько допустимо их (пусть и невольное, наивное) отождествление? Например, законы перспективы – это искаженное или реальное видение? Как доказано Марком Вартофским в книге «Модели: репрезентация и научное понимание»¹, рисование в соответствии с правилами перспективы – это чисто «культурный факт», имеющий не столько перцептивную, сколько коммуникативную природу. Обоснованная некогда теория геометрической оптики «исторически» становится фундаментальным каноном визуального мышления большинства людей, элементом «здравого смысла».

Габитусы здравого смысла также «замешаны» на визуальной метафоре. «Очевидно, что...», «легко увидеть, что...», «это наглядно подтверждает, что...» Однако самоочевидность как психологическая достоверность не может служить критерием истины, так как легко опирается на привычные,

¹ Вартофский М. Модели: репрезентация и научное понимание. - М.: Мир, 1988.

обыденные представления, за которыми многие значимые отношения и свойства оказываются невидимыми. Глядение (смотрение) и видение невольно отождествляются. Создается иллюзия внешнего механического процесса, элиминирующего все психическое. Но является ли визуальное мышление продуктивным в современной науке? Истоки визуального мышления следует искать в наивно-реалистической репрезентации, т.е. возможности пред-ставить, поместить перед собой наличное сущее, включить его в отношения с собой как предмет. Человек не столько всматривается в сущее, сколько представляет себе картину сущего, его репрезентацию с помощью визуальной метафоры. А научный дискурс направляется на выяснение условий точности, адекватности, истинности представления, т.е. тем самым осуществляется полный отказ от непосредственного видения.

Поясним это с помощью одного буддийского анекдота, блестяще обыгранного Кареном Свасьяном в «Феноменологическом познании»². Мастер поднимает указательный палец и молчит. Ученик почтительно уставляется на вытянутый палец. Мастер берет бамбуковую трость и бьет ученика по голове. В ответ на недоуменно обиженный взгляд ученика: «Глядеть надо не на палец, а на что он указывает». Дело в том, что *смотреть* и *видеть* различаются между собой не только в психофизиологии акта, но и объективно. Видение возможно только если рассматривать бытие как *отношение*, подобно глагольной связке «есть», существует. Например, «книга (есть) – лучший подарок». Обратим внимание на то, что смысл *есть* там, где нечто наличное (книга) отсылает к другому, к тому, чего *здесь и сейчас нет* (лучший подарок). Таким образом, смысл есть не только благодаря бытию, но и благодаря небытию, благодаря вторжению небытия в существование. Ведь этой конкретной книге нужно не просто *быть* лучшим подарком, но и *стать* им. Например, что мы видим, читая книгу? Отпечатки черной краски, буквы, слова, текст, смысл текста? Если отпечатки черной краски не исчезнут, то не появятся буквы, если буквы сами по себе не исчезнут, то не увидится слово, если отдельные слова не исчезнут, то не проступит текст, а если мы не перестанем воспринимать текст, просто как текст, то не поймем смысл написанного. Таким образом, чтобы смысл *был* необходимо, чтобы нечто наличное перестало существовать как наличное и уступило место другому, которого здесь как наличного нет. Смысл есть там, где то, что есть, уходит в небытие, а то, что не есть, приобретает бытие.

² Свасьян К. А. Феноменологическое познание: пропедевтика и критика. - Ереван: АН Армянской ССР, 1987.

Значит, смысл существует не только благодаря тому, что есть бытие, но что есть и небытие.

По данным современной нейрофизиологии, мозг, включая функционирующие на его основе когнитивные процессы, является автономной, по сути, закрытой системой³. Говорить о когнитивных состояниях мозга как об отражениях, репрезентациях объективной реальности не представляется возможным, т.к. они являются результатом сложнейшей обработки различных *соотношений* (начало, конец, периодичность, интенсивность, место и др.) и только ничтожная часть общей активности человеческого мозга идет от чувственных органов. Все остальное осуществляется мозгом на основе собственной информации. Чувственные органы принципиально не могут отражать мир «как он есть». Рецепторы и нервные клетки сигнализируют мозгу только об «элементарных событиях», но не о содержании восприятия. Восприятие есть результат параллельно-иерархической обработки информации внутри мозга. Мозг с помощью «сырых» данных чувственных органов и громадного внутреннего предзнания конструирует восприятие.

³ см.: Конструктивизм в эпистемологии и науках о человеке («круглый стол») // Вопросы философии. – 2008. – № 3.